

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
ДОНАТО
КАРРИЗИ

Потерянные девушки Рима

Охотник за тенью

Маэстро теней

Подсказчик

Девушка в лабиринте

Игра Подсказчика

Девушка в тумане

Женщина с бумажными цветами

Дом голосов

Донато
КАРРИЗИ

ДОМ ГОЛОСОВ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
К 26

Donato Carrisi
LA CASA DELLE VOCI
Copyright © Donato Carrisi 2019
All rights reserved

Перевод с итальянского Анастасии Миролюбовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-19101-3

© А. Ю. Миролюбова, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

*Антонио, моему сыну:
он — моя память,
он — моя идентичность*

23 февраля

Ласковое прикосновение во сне.

На смутной границе с явью, за миг до того, как ей провалиться в бездну забытья, ледяные пальцы коснулись ее лба и кто-то шепотом, печальным и очень нежным, позвал ее.

По имени.

Услышав зов, девочка широко раскрыла глаза. Испугалась. Кто-то пришел сюда, к ней, пока она засыпала. Может, кто-то из бывших обитателей дома, с которыми она иногда говорила, а иногда слышала, как они ходят по комнатам, жмутся вдоль стен, словно мыши.

Но призраки говорили внутри ее, не снаружи.

И Адо — *бедный Адо, грустный Адо* — приходил к ней. Но, в отличие от других призраков, Адо никогда ничего не говорил. Так что сейчас ее смущало совершенно определенное соображение.

Кроме мамы и папы, никто из мира живых не знал ее имени.

То было «правило номер три».

Мысль о том, что она нарушила одну из родительских заповедей, ужасала ее. Родители всегда ей

доверяли, не хотелось их разочаровывать. Тем более сейчас, когда папа обещал взять ее на охоту с луком и стрелами и даже маму уговорил это разрешить. Но потом девочка задумалась: как, где могла она провизниться?

Правило номер три: никогда не называть чужим своего имени.

Она не называла чужим своего нового имени, никто посторонний не мог узнать его, даже случайно. Еще и потому, что по меньшей мере пару месяцев они не видели никого, кто приближался бы к хутору. Они жили одни среди полей, два дня пути до ближайшего города.

Они в безопасности. Только втроем.

Правило номер четыре: никогда не приближаться к чужим и не позволять им приближаться к тебе.

Как же так получилось? Сам дом позвал ее, другого объяснения нет. Иногда балки потолка злоеще скрипели или мелодично стонали. Папа говорил, что дом проседает, давит на фундамент: так пожилая синьора, сев в кресло, время от времени ерзает, устраиваясь поудобнее. Засыпая, девочка услышала такой звук, и ей показалось, будто кто-то зовет ее по имени. Вот и все.

Сердце ее успокоилось, волнение улеглось. Она снова закрыла глаза. Сон беззвучно призывал следовать за ним в теплое местечко, где все расплывается и растворяется.

Девочка уже почти забылась, когда кто-то снова позвал ее.

На этот раз она подняла голову с подушки и, не спускаясь с кровати, взгляделась в темноту. Печь в ко-

ридоре давно прогорела. Холод подступал к постели, набрасывался, стоило вылезти из-под одеяла. Девочка окончательно проснулась.

Кто бы ни звал ее, он находился не в доме, а снаружи, в студенной зимней ночи.

Она поговорила со сквозняками, которые проникали под дверь и через щели в ставнях. Но в тишине, слишком глубокой, было не разобрать ни звука, только сердце отчаянно билось, как пойманная рыба в ведре.

Девочка подумывала, не спросить ли у мрака: «Кто ты?» Но боялась ответа. Или, возможно, уже знала его.

Правило номер пять: если чужой зовет тебя по имени, беги.

Девочка вскочила с постели. Но прежде, чем двинуться дальше, ощупью нашла тряпичную куклу с одним-единственным глазом, которая спала рядом, и прихватила с собой. Не зажигая ночник на тумбочке, двинулась вслепую по комнате. Под легкими шагами ее босых ног поскрипывал дощатый пол.

Нужно предупредить маму и папу.

Она вышла в коридор. С лестницы, которая вела на верхний этаж, доносился запах дров, медленно тлеющих в камине. Девочка представила себе кухонный стол из оливкового дерева, еще уставленный тем, что они не доели вечером, справляя праздник. В торте из хлеба и сахара, который мама испекла в дровяной печи, не хватало ровно трех кусков. Десять свечек она задула с первого раза, сидя у папы на коленях.

По мере того как она приближалась к родительской спальне, счастливые воспоминания уступали место мрачным предчувствиям.

Правило номер два: чужие опасны.

Девочка видела своими глазами: чужие забирали людей, увозили их прочь от родных и любимых. Никто не знал, куда их везли и что там с ними делалось. Или ей никто ничего не рассказывал, ведь она еще маленькая, не способна понять. Одно она знала точно: увезенные не возвращались.

Никогда.

— Папа, мама... Там снаружи кто-то есть, — проговорила она сбивчиво, но все-таки уверенная, что теперь ее уже нельзя считать маленькой.

Папа проснулся первым, через мгновение — мама. И оба со всем вниманием прислушались к словам девочки.

— Что ты слышала? — допытывалась мама, а папа схватил электрический фонарь, который всегда лежал возле постели.

— Меня позвали, — ответила девочка с запинкой: боялась, что ее станут ругать за то, что она нарушила одно из пяти правил.

Но никто ей ничего не сказал. Папа включил фонарь, прикрывая его ладонью, чтобы луч немного рассеял темноту в комнате, но при этом чужие не догадались, что обитатели дома проснулись.

Родители больше ничего не спрашивали. Думали, верить ей или нет. Не потому, что подозревали, будто девочка сказала неправду: знали, что она никогда не стала бы лгать о таких вещах. Просто требовалось

установить, связан ее рассказ с реальностью или же нет. Девочка сама бы очень хотела, чтобы все это ей пригрезилось.

Мама и папа насторожились. Но не двинулись с места. Сидели молча, чуть приподняв голову, вслушиваясь в темноту — как радиотелескопы из ее книжки по астрономии, которые вперяются в неизвестность, скрытую в небесах, надеясь, но одновременно и боясь уловить сигнал. Ведь, как объяснял отец, то, что мы не одни во вселенной, необязательно хорошая новость: «Инопланетяне могут и не подружиться с нами».

Текли нескончаемые секунды абсолютного покоя. Только ветер раскачивал ветви облетевших деревьев, жалобно скрипел на крыше ржавый железный флюгер, и потрескивали доски старого сеновала — будто фыркали спящий на дне океана кит.

Звякнул металл.

Ведро упало на землю. Ведро из старого колодца, если точнее. Папа привязал его между двумя кипарисами. Одна из звуковых ловушек, которые он устраивал каждый вечер вокруг всего дома.

Ведро было подвешено недалеко от курятника.

Папа хотел что-то сказать, но не успел: мама прикрыла ему рот рукой. Она, наверное, хотела предположить, что к дому подобрался какой-нибудь ночной хищник, куница или лиса, необязательно кто-то из чужих.

— Собаки, — прошептал отец.

Девочке только сейчас это пришло в голову. Папа был прав. Если ведро уронила лиса или куница, сто-

рожевые псы залаяли бы, поднимая тревогу. Коль скоро они молчали, тому находилось только одно объяснение.

Кто-то заставил их замолчать.

При одной мысли о том, что с ее лохматыми друзьями могло случиться что-то плохое, у девочки к глазам подступили жгучие слезы. Изо всех сил она старалась не плакать: горе смешалось с внезапно накатившим страхом.

Родители просто переглянулись. Они уже знали, что делать.

Папа первым вылез из постели. Торопливо оделся, но обуваться не стал. Мама сделала то же самое, но, к изумлению девочки, улучив момент, когда папа смотрел в другую сторону, сунула руку под матрас, взяла оттуда какой-то маленький предмет и поспешно положила к себе в карман. Девочка не успела рассмотреть, что это было.

Поведение мамы ей показалось странным. Они с папой никогда не имели друг от друга секретов.

Прежде чем девочка смогла что-то спросить, мама дала ей второй фонарь, встала перед ней на колени и набросила ей на плечи одеяло.

— Помнишь, что нам сейчас нужно делать? — спросила она, пристально глядя девочке в глаза.

Девочка кивнула. Решимость в мамином взгляде и ей придала отваги. С тех пор как они поселились на заброшенном хуторке, все трое десятки раз отработывали процедуру, как это называл папа. До сегодняшней ночи ни разу не приходилось прибегать к ней.

— Крепче держи свою куклу, — велела мама, потом сжала ее маленькую ладошку в своей, горячей и сильной, и повела за собой.

Когда они спускались по лестнице, девочка на мгновение обернулась и увидела, как папа, вынудив из чулана канистру, брызгает на стены верхнего этажа. Жидкость с резким запахом просачивалась сквозь щели в полу.

Внизу мама потащила ее в задние комнаты. Щепки впивались в босые ноги, девочка стискивала зубы, стараясь не вскрикивать от боли. Хотя могла и не стараться: поздно было скрывать свое присутствие. Там, снаружи, чужие уже все поняли.

Девочка слышала, как они окружают дом, готовясь войти.

Не в первый раз что-то или кто-то угрожал им в месте, которое они считали надежным. Но в конце концов им всегда удавалось избежать опасности.

Они с мамой прошли мимо стола из оливкового дерева, на котором оставался именинный торт с десятью задутыми свечками. Мимо эмалированной кружки, из которой она утром должна была бы пить молоко; мимо деревянных игрушек, которые папа для нее вырезал; мимо коробки с печеньем; мимо полок с книжками, которые они все вместе читали после ужина. Мимо всего, с чем они должны были попрощаться в очередной раз.

Мама подошла к камину, облицованному камнем. Пошарила в дымоходе. Нащупала конец железной цепи, почерневшей от копоти. Потянула на себя изо всей силы, и звенья стали наматываться на блок, закрепленный под крышей дома. Одна из известняко-

вых плит под очагом начала сдвигаться. Но она была слишком тяжелая, без папы не справиться. Он и придумал такое приспособление. Так почему же медлит, не присоединяется к ним? От неожиданно-го сбоя в процедуре стало еще страшнее.

— Помоги мне, — велела мама.

Девочка схватилась за цепь, они стали тянуть вместе. В спешке мама задела локтем глиняную вазу, стоявшую на каминной полке. Они смотрели, не в силах этому помешать, как ваза падает на пол, разбивается. Отголосок глухого удара прокатился по всем комнатам дома. Через миг раздался громкий стук во входную дверь. Стук этот достиг их слуха как предупреждение.

Мы знаем, что вы там. Знаем, где вы. Мы пришли, чтобы забрать вас.

Мать и дочь еще энергичнее стали дергать цепь. Камень под очагом сдвинулся на достаточное расстояние. Мама высветила фонарем деревянную лесенку, которая вела в подпол.

Удары в дверь участились.

Они с мамой повернули голову к коридору и наконец увидели папу: тот нес в руках две бутылки, вместо крышек заткнутые мокрыми лоскутами. Раньше, в лесу, девочка видела, как отец поджег одну такую бутылку и бросил в засохшее дерево, которое моментально вспыхнуло.

Чужие бились во входную дверь; к великому изумлению всех троих, петли, на которых она держалась, начали выламываться из стены, а четыре засова, ее скреплявшие, все сильнее выгибались с каждым ударом.

В единый миг они поняли, что эта последняя преграда не сможет надолго сдержать нападавших.

Папа посмотрел на маму и дочку, потом на дверь, потом снова на них. На процедуру не оставалось времени. Тогда, недолго думая, он сделал им знак, мотнув головой, и в то же самое время одну из бутылок поставил на пол, но только затем, чтобы вытащить из кармана зажигалку.

Дверь с грохотом сорвалась с петель.

Пока оружие тени перепрыгивали через порог, папа бросил последний взгляд на них с мамой — на обеих вместе, словно заключая в объятие. Столько в эти секунды скопилось в глазах отца любви, сострадания и горечи, что боль прощания осталась сладостной навсегда.

Поджигая лоскут, папа слегка улыбнулся, только им двоим. Потом бросил бутылку и вместе с теньями исчез в пламени. Больше девочка ничего не видела, потому что мама толкнула ее в отверстие под камином и пошла следом, держась за конец цепи.

Затаив дыхание, спотыкаясь на каждом шагу, они спустились по деревянным ступенькам. Сверху донесся приглушенный грохот нового взрыва. Неразборчивые крики, топот. Сойдя вниз, в сырой подпол, мама отпустила цепь, чтобы механизм сработал, и каминная плита над ними закрылась. Но что-то где-то застопорилось, и осталась широкая щель. Мама дергала и тянула, пытаясь разблокировать шкив. Безрезультатно.

Согласно процедуре, семья должна была укрыться здесь, внизу, пока дом горел над их головами. Чужие могли испугаться и убежать или поверить, что

все семейство погибло в огне. По плану, когда шум наверху утихнет, они с мамой и папой снова сдвинут каменную плиту и выберутся на поверхность.

Но что-то пошло не так. *Все* пошло не так. Прежде всего, папы не было с ними, и потом, проклятая плита закрылась не полностью. А наверху все уже полыхало. Дым заползал в щель, выкуривая их. Но из тесного подпола было не выбраться.

Мама потащила ее в самый дальний конец. В нескольких метрах от них в холодной земле под кипарисом был похоронен Адо. Они должны были вырыть его и унести с собой. Но им и самим теперь не убежать.

Мать сняла одеяло с ее плеч и спросила:

— Ты в порядке?

Девочка вся дрожала, прижимая к груди тряпичную куклу с одним-единственным глазом, но все же кивнула.

— Теперь послушай меня, — продолжала мать. — Сейчас ты должна быть очень храброй.

— Мама, мне страшно, я не могу дышать, — сказала девочка и закашлялась. — Давай выйдем отсюда, прошу тебя.

— Ты ведь знаешь, что, если мы выйдем, чужие заберут нас. Ты этого хочешь? — спросила она с упреком. — Мы принесли столько жертв, чтобы этого не случилось, а теперь должны сдаться?

Девочка подняла глаза к потолку. Чужих уже было слышно, чужие находились в нескольких метрах: пытались потушить огонь, чтобы добраться до них и увезти с собой.

— Я соблюдала все правила, — рыдая, оправдывалась девочка.

— Знаю, милая, — утешала ее мама, гладила по щеке.

Над ними дом голосов, охваченный пламенем, стонал, словно раненый исполин. От этого разрывалось сердце. Через неплотно прилегающую известняковую плиту теперь проникал густой черный дым.

— У нас осталось немного времени, — объявила мама. — Но есть еще способ уйти...

Она сунула руку в карман и что-то оттуда вынула. Тайный предмет, который она прятала даже от папы, оказался стеклянным пузырьком.

— По глотку каждой.

Мама вытащила из горлышка пробку и протянула девочке пузырек.

Та заколебалась.

— Что это?

— Не спрашивай, пей.

— И что будет после? — спросила она в испуге.

— Это водичка для забывания... Мы заснем, а когда проснемся, все будет кончено.

Но девочка не верила ей. Почему эта вода не упоминалась в процедуре? Почему папа о ней ничего не знал?

Мама схватила ее за плечи, встряхнула.

— Какое правило номер пять?

Девочка не понимала, зачем сейчас вспоминать правила.

— Правило номер пять, быстро, — настаивала мать.

— Если чужой зовет тебя по имени, беги.

— Номер четыре?

— Никогда не приближаться к чужим и не позволять им приближаться к тебе, — отвечала девочка голосом, уже прерывающимся от плача. — Третье правило: никогда не называть чужим своего имени, но я не называла, честное слово, — вдруг стала она оправдываться, вспомнив, с чего все началось этой ночью.

Голос мамы смягчился:

— Давай второе правило.

Девочка, через секунду:

— Чужие опасны.

— Чужие опасны, — очень серьезно повторила мать. Потом поднесла пузырек к губам и отпила глоток. Снова протянула девочке. — Люблю тебя, моя милая.

— И я люблю тебя, мама.

Девочка посмотрела матери в глаза. Потом перевела взгляд на пузырек в ее руке. Взяла его и уже без колебаний проглотила все, что там оставалось.

Правило номер один: доверять только маме и папе.

1

Для ребенка семья — самое надежное место в мире.
Или самое опасное.

Пьетро Джербер старался никогда об этом не забывать.

— Ну что, Эмильян, не расскажешь мне о кладовке?

Шестилетний мальчик с кожей тонкой до прозрачности, похожий от этого на привидение, по-прежнему молчал. Даже не поднял взгляда от крепости из разноцветных кубиков, которую они строили вместе. Джербер его не торопил, терпеливо продолжая прибавлять кирпичики к стенам. Опыт ему подсказывал, что Эмильян сам найдет подходящий момент, чтобы заговорить.

Каждый ребенок живет в своем времени, любил повторять Джербер.

Вот уже минут сорок он сидел по-турецки перед Эмильяном на паласе всех цветов радуги в комнате без окон, которая находилась на третьем этаже дворца четырнадцатого века, расположенного на улице делла Скала, в историческом центре Флоренции.

С самого начала здание предназначалось для благотворительных целей, служило «приютом для беспризорных мальчиков», то есть для детей, брошенных семьями, слишком бедными, чтобы их содержать, а также незаконнорожденных, сирот и подростков, уличенных в какой-то противоправной деятельности.

Со второй половины девятнадцатого века во дворце обосновался суд по делам несовершеннолетних.

Строение представляло почти безликим, терялось на фоне блистательных зданий, окружающих его, самым абсурдным образом сосредоточенных на немногих квадратных километрах, что и превращает Флоренцию в один из красивейших городов мира. Но и его, это строение, нельзя было считать заурядным. Во-первых, в связи с его назначением: изначально здесь находилась церковь. Во-вторых, благодаря сохранившейся фреске Боттичелли, изображающей Благовещение¹.

В-третьих, благодаря игровой комнате.

Кроме кубиков, которыми занялся Эмильян, там были кукольный домик, железная дорога, разные машинки, гоночные и грузовые, лошадка-качалка, игрушечная кухня, чтобы понарошку готовить всякую вкуснятину, и вдобавок великое изобилие плюшевых зверушек. Имелся там и низенький столик с четырьмя стульчиками, и все необходимое для рисования.

Но то была чистой воды фикция, ибо все на этих двадцати квадратных метрах служило тому, чтобы скрыть истинное назначение места.

¹ Сейчас фреска находится в галерее Уффици.

Карризи Д.

К 26 Дом голосов : роман / Донато Карризи ; пер. с ит. А. Миролубовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 352 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-19101-3

«Дом голосов» — новый бестселлер Донато Карризи, короля итальянского триллера.

Пьетро Джербер — психолог, но не такой, как другие. Его специализация — гипноз, и все его пациенты — это дети, с которыми что-то случилось: они перенесли травму, стали свидетелями драматических событий или в их хрупкой памяти хранится важная информация, которая может помочь полиции или органам опеки в расследовании. Но вот с другого конца света, из Австралии, психологу звонит коллега и просит принять пациента. Пьетро недоумевает, зачем обращаться именно к нему, ведь Ханна Холл взрослая. Оказывается, молодой женщине не дает покоя воспоминание о некоем убийстве, будто бы совершенном ею в детстве. И чтобы понять, правда это или иллюзия, ей необходим лучший психолог Флоренции — Пьетро Джербер.

Впервые на русском!

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Литературно-художественное издание

ДОНАТО КАРРИЗИ
ДОМ ГОЛОСОВ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редактор Дарья Мудролюбова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Анна Быстрова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.01.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 12 000 экз. Усл. печ. л. 22. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-RBD-27794-01-R